

Отзыв на диссертационную работу
Андрея Леонидовича Мамонтова
«Гонения, мученичество и расколы в североафриканской церкви IV в.»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.03. «Всеобщая история (История Древнего мира)»

Диссертационное исследование А. Л. Мамонтова посвящено важной проблеме истории североафриканского и шире, западного, христианства в IV–V вв. – донатистскому расколу. Начавшийся в начале 300-х гг. как локальный конфликт в Цирте и Карфагане, он вскоре привел к разделению африканского клира на две партии, каждая из которых поддерживала своего епископа. Такие ситуации происходили в разных общинах и раньше, можно вспомнить хотя бы события в Риме в начале III в., связанные с фигурой Ипполита, или случившееся там же противостояние Корнелия и Новациана в середине III в. Но донатистский раскол охватил большой регион Римской империи, имевший большое политическое и экономическое значение, и он продолжался намного дольше, чем предшествующие. Не имевшее какого-то особого теологического измерения, это движение придавало особое значение практическому благочестию, особенной стойкости во время гонений и мученичеству, и именно насилие в сфере религиозной жизни стало объектом изучения А. Л. Мамонтова.

Тема, избранная автором для исследования, несомненно, представляет интерес как для изучения духовной жизни античного мира, так в контексте общей проблемы «государство и церковь», весьма актуальной в различные периоды истории человеческого общества. Автор рассматривает попытки государства вмешаться в церковные дела, чтобы преодолеть донатистский раскол, один из самых крупных в истории позднеантичного христианства, как первый подобный опыт участия государства в разрешении внутрицерковных конфликтов и справедливо отмечает, что подобный прецедент мог стать моделью для преодоления сходных ситуаций, которых последующая история церкви предоставит немало. Формулировка цели работы показывает оригинальность подхода автора и состоит, по его собственному определению, в том, чтобы «объяснить влияние физического принуждения к церковному единству на донатистский раскол и взаимосвязь между гонением, мученичеством и расколами в Северной Африке IV в.» (с. 6). Обращаясь к актуальности и значимости темы во Введении к диссертационной работе, автор справедливо указывает и на еще одно обстоятельство, которое дополняет необходимость обращения к данной теме

– в отечественной историографии тема донатистского раскола уже давно не была предметом специального изучения, да и вообще изучалась не так часто.

Структура диссертации подчинена выполнению поставленной цели и задачам исследования и представляется вполне целесообразной. Работа состоит из четырех глав, первая из которых (с. 53–99), носит вводный характер и посвящена особенностям развития Римской империи в период домината, в конце III–IV в. Автор предлагает весьма полезный и содержательный обзор различных сторон жизни Римской империи, в том числе состояния христианской церкви в этот период. Очевидно, что составить такой очерк по истории и характеристике домината – задача непростая, и ее решение вообще вряд ли может быть бесспорным, однако автор сделал довольно успешную, на наш взгляд, попытку выстроить необходимый исторический контекст работы и связать его с последующим изложением.

Во второй главе (с. 100–155), посвященной началу донатистского раскола в североафриканской церкви, автор сначала обращается к характеристике североафриканских провинций, их особенностей и места в Империи. Далее А. Л. Мамонтов рассматривает историю христианской традиции в Северной Африке до начала IV в. и делает важный вывод о характере местной религиозности, проявлявшегося «в пылкой преданности божеству и готовности к кровавой жертве» (с. 17 автореф.), а также об отличительных чертах североафриканского христианства. Затем автор анализирует причины и характер т.н. Великого гонения на христиан в африканских провинциях, основываясь, прежде всего, на сообщениях мученичеств и агиографических свидетельствах. В этой части работы особое внимание уделяется событиям, знаменовавшим начало донатистского раскола: раскол клира на две группы – сторонников нового карфагенского епископа Цецилиана и его противников начался, как подчеркивает автор, после соборов в Цирте и Карфагене, которые он относит к 306 и 307 гг. соответственно.

Предметом исследования автора в третьей главе (с. 156–190) выступает политика императора Константина в отношении африканского раскола: в первом параграфе разбираются попытки мирного урегулирования Константином внутрицерковных конфликтов в Африке, во втором – преследования донатистов при Константине. Третий параграф посвящен общему анализу политики Константина по отношению к донатистам и ее особенностям, среди которых автор выделяет стремление императора совместить церковный и государственный механизмы в решении спора

между христианами. В этой части работы автор также анализирует риторику Константина и понимание им целей своего вмешательства в церковный конфликт. Вместе с тем, это вмешательство государства, по заключению автора диссертации, только способствовало дальнейшему углублению церковного раскола.

В последней, четвертой, главе (с. 191–250) рассматриваются события середины–второй половины IV в. Сначала автор обращается к преследованию донатистов при Константе, затем – к анализу политики императора Юлиана, который относился к донатистам совершенно иначе. Однако, по заключению автора, время как Константа, так и Юлиана, это период дальнейшего углубления раскола: «внешние попытки его урегулировать, особенно насильственные, лишь ухудшали ситуацию» (с. 249). Автор обращается также к движению циркумцеллионов, представлявших собой разнородную массу представителей сельских низов и определяемых автором как радикальное крыло донатистов, а также к более общему вопросу о внутренних расколах среди донатистов, которые относятся ко второй половине IV в. По мнению автора, «теперь риторика гонения и мученичества, на которой была основана донатистская идентичность, только мешала донатистам последовательно применять силу в борьбе с оппонентами» (с. 238; см. также с. 21–22 автореф.). Заключительный сюжет этой главы посвящен участию донатистов в восстаниях, произошедших в Африке в IV в.

В Заключении автором подводятся общие итоги исследования. Один из основных выводов автора касается эволюции донатизма и противоречивости его развития: в начальный период своей истории донатисты были преследуемой религиозной группой, находясь в оппозиции к обществу и империи, они стремились быть оплотом ригоризма, аскезы и мученичества. Однако, став доминирующей силой, они стали активно использовать имевшиеся в их распоряжении средства принуждения, изменилась и их позиция в отношении государственной власти.

К несомненным достоинствам представленной работы, по нашему мнению, можно отнести следующее:

1. Важна сама постановка проблемы: традиционно изучение донатистского движения происходит как рассмотрение цепочки связанных между собой событий без особой концептуализации, как страницы социально-политической истории позднеантичной Африки или как одного из важных сюжетов сочинений Августина. Постановка в центр внимания влияния физического принуждения к церковному единству позволяет

поместить донатизм в новую перспективу и лучше понять как механизмы взаимоотношений между императорской властью и Церковью, так и динамику процессов внутрехристианской жизни.

2. Использование всех релевантных источников по данной теме. Мамонтов обращается к юридическим, церковноисторическим, полемическим, агиографическим текстам, историческим сочинениям язычников Зосимы и Аммиана Марцеллина, а помимо того, к археологическим и эпиграфическим памятникам.

3. Особый интерес представляет рассмотрение в IV главе усвоение физического принуждения донатистами и их перерождение «из агнцев во львы» во время правления Юлиана и позднее. Любопытно, что схожую эволюцию вскоре проделают христиане и в отношениях с язычниками.

4. Бесспорно любопытно наблюдение о том, что донатисты были своего рода «доконстантиновским анклавом», сохраняя изолированное самосознание и оппозиционность, присущие многим ранним христианам. Это показывает, что структура общин, приспособившихся к выживанию в среде постоянной угрозы гонениям, своего рода психология «осажденной крепости» пустила столь глубокие корни в сознание многих африканских священников и мирян, что даже небольшой шаг к компромиссу в вопросе об отступниках встретил тотальное неприятие, а осознание изменений, произошедших в положении христиан с приходом Константина, давалось им с большим трудом.

5. В целом отрадно, что данная работа продолжает традицию изучения христианства в Северной Африке на нашей кафедре. Нужно вспомнить переводы мученичеств, сделанных Пантелеевым (Мученичество Перпетуи и Фелицитаты, Акты Юлия), диссертацию, статьи и переводы Каргальцева, наконец, Мирошниченко работает над диссертацией, посвященной Синезию Киренскому.

Из недостатков и того, что вызывает вопросы в тексте диссертации, представляется важным указать на следующее:

1. Если «сильное западносемитское влияние, оказанное финикийцами, сделало жителей Африки более готовыми к новому учению, возникшему на Ближнем Востоке», то почему христианство в этом регионе появляется так поздно?

2. Хотелось бы увидеть какое-то концептуальное соотнесение двух практически синхронных процессов: арианского кризиса и донатистского раскола. Если первый рассматривался как серьезная угроза единства Церкви, то второй удостоился меньшего внимания. В чем причина? Эти течения

имели разную природу, но для их решения властью и церковными иерархами использовались схожие методы. А были ли какие-то отличия в борьбе с ними, что-то специфическое, свойственное именно для борьбы с арианами или донатистами?

3. Соображение общего плана: может быть, следовало бы включить небольшой обзор вмешательства римского государства в религиозные дела, помимо христиан? Расследование дела о Вакханалиях в 186 г. до н.э., запрет человеческих жертвоприношений у кельтов и тех же африканцев могли создать у императоров и магистратов уверенность в том, что можно при помощи внешнего воздействия успешно решать религиозные проблемы, и хотя провал антихристианских гонений свидетельствовал об обратном, эта уверенность никуда не делась?

Автореферат адекватно и полно отражает содержание диссертационной работы и вывода автора в результате исследования заявленной темы. Кроме того, отмеченные выше общие достоинства изложения в диссертационном исследовании, равно как и погрешности содержания и стиля, относятся и к автореферату. Укажем на некоторые из них.

С. 1 – необходимо правильно оформить указание на место и год выполнения работы.

С. 4 (с. 1 автореф.) – в разделе об актуальности исследования во втором предложении лучше бы было говорить не просто о «первых исторических прецедентах», а напрямую связать их с античным периодом истории христианства.

С. 6 (с. 2 автореф.) – при постановке задач, пункт первый: речь идет о широком контексте, но лучше бы этот контекст каким-то образом определить (исторический, географический или какой-то иной).

С. 9 (с. 6 автореф.) – в разделе об источниковой базе исследования: неудачные названия для выделенных автором разрядов нарративных источников, которые использует автор: «полемические и внешние».

С. 48 (с. 5–6 автореф.) – во введении выделяется раздел «Достоверность полученных результатов», которую автор обосновывает использованием широкого круга источников и указанием на соответствующий набор методов. Раздел этот кажется несколько странным, он явно уместен в диссертациях по естественнонаучной тематике и предполагает указание на экспериментальную часть. Насколько он обязателен? М.б, его можно убрать, тем более, что там содержится повтор с разделом о методах.

С. 49 (с. 14 автореф.) – в разделе «Апробация работы»: ошибка в названии СПбГУ, правильно – «Санкт-Петербургского государственного

университета». В этом же разделе указание на конференции нужно включить в структуру текста, а не оформлять как перечисление назывными предложениями.

С. 16 автореф. – поправить стиль предложения: «... в IV в. мученик воспринимался как еще более активное и менее претерпевающее лицо, чем раньше...».

С. 17 автореф. – очевидный пропуск подлежащего в первом предложении второго абзаца.

С. 21 автореф. – в последнем абзаце автор указывает на события второй половины IV в., однако автор говорит о 260–70-х гг., 280-х гг., 290-х гг.

Подводя общий итог, укажем, что представленная А. Л. Мамонтовым диссертация является законченным самостоятельным исследованием, выводы которого не вызывают принципиальных возражений. По нашему мнению, после устранения указанных замечаний, которые носят частный характер, в содержании и оформлении диссертации и автореферата диссертационная работа А. Л. Мамонтова может быть рекомендована для представления в Диссертационный совет для защиты.

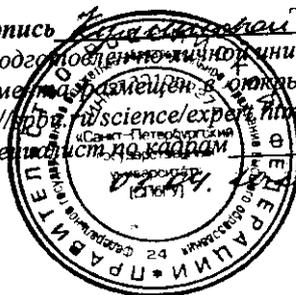
3 апреля 2021 г.

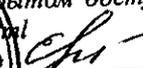
Д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима СПбГУ

О. В. Кулишова

Личную подпись Кулишовой О.В. заверяю
Документ подготовлен по личной инициативе
Текст документа размещен в открытом доступе на сайте СПбГУ по
адресу <http://spbu.ru/science/experts.html>
Ведущий специалист по кадрам

 Е. И. Мясоедова